

1.
У входа в Туннель Эр-17 остановился.
Вверху, в лесу на вершинах, выло и светило, но у подножия скал ветра уже не чувствовалось — ущелье здесь кончалось, задушенное каменными стенами. Отверстие Туннеля казалось глубокой пещерой, уходящей в серый гранит.

В действительности в метре от входа Туннель заканчивался глухим тупиком. Чтобы воспользоваться Туннелем, следовало войти внутрь, повернуться кругом и выйти в новый мир. Но люди никогда не делали этого, они посылали вместо себя автоматы.

— Еще пять минут, — сказал Греков, опускаясь на плоский валун. Впервые с тех пор, как в верхушках деревьев засвистел ветер, он рискнул посмотреть назад. Как он и ожидал, над южными скалами было темно, как ночью.

— Дверь в другие миры, — сказал Ковальский, восторженно глядя на овальное отверстие. — Вот она, рядом.

Греков молча смотрел назад. Он знал, что южный ураган всегда пригоняет в горы всякую нечисть, и ругал себя за то, что поверил прогнозу и не взял оружия. Еще он ждал, что с минуты на минуту из Туннеля появится робот Эр-31, которого он послал туда трое суток назад. Хотя какой от робота толк? Вот пара бластеров сегодня бы пригодилась.

— Чем занимаются люди? — сказал Ковальский. — Что они изучают? Зачем? Ведь перед нами — дверь в другие миры!

— Мы изучаем эти миры, — неохотно ответил Греков. Он смотрел на тревожную траурную кайму над зеленой южной скалой. Ущелье выглядело отсюда пазл-листой бороздой, проложенной плугом гиганта. Ближайшая расщелина, по которой можно было подняться в горы, скрывалась за поворотом.

— Теперь это называется «изучаем», — сказал Ковальский. — Я прочел доклады комиссии, работавшей здесь до вас. Там всего два содержательных вывода. Первый — что существует цепочка планет, соединенных Туннелем. И второй — что Туннель позволяет совершить переход с любой планеты этой цепочки на одну из двух соседних планет, неизвестно, на какую именно. Как все это действует, естественно, тоже неизвестно.

— Правильно, — сказал Греков. — Здесь и кроется третий, самый важный вывод. Земная наука еще не созрела для понимания этого механизма.

— Но перед нами дверь в сотни миров, — настойчиво повторил Ковальский. — Чтобы изучить их, достаточно сделать шаг.

— Нет, — сказал Греков. — Предел — Альвион и Мирза, наши ближайшие соседи. Войдя в Туннель, вы выходите на одной из этих планет, — допустим, на Альвионе. Тогда при повторном входе в Туннель вы с равной вероятностью окажетесь или снова на Гамме, или на Лигурии — это следующая за Альвионом планета. Шансы добраться до Лигурии и вернуться на Гамму уменьшаются уже до одной шестнадцатой. И так далее. Это тупик.

— Вы ошибаетесь, — сказал Ковальский. — Ходят слухи, что некто Березин набирает добровольцев для похода в Туннель. Они собираются сюда совсем скоро.

— Не знаю, на что они рассчитывают, — сказал Греков. — Туннель — это лабиринт, из которого нелегко выбраться.

— Березин — известный математик архипелага, — не унимался Ковальский. — Говорят, ему удалось найти стратегию, исключающую риск. Было бы естественно, если бы такая стратегия существовала. Труднее предположить, чтобы сверхцивилизация, построившая Туннель, сделала его так, что им невозможно пользоваться.

— Туннель есть Туннель, — сказал Греков. Он взглянул на часы. — Время истекло. Следовательно, мы лишились еще одного разведчика.

Он повернулся к роботу.
— Ваша очередь, Эр-17.

Робот шагнул в темный провал Туннеля.

— Двинулись, — сказал Греков. — Нам следует торопиться.

Он встал с валуна. Но остался на месте, потому что его глаза уловили неясное движение внизу, у поворота ущелья.

Ковальский уже шагнул по тропе. Он ничего не заметил.

— Подождите, — остановил его Греков. Он смотрел на ядовитозеленое, длинное и змеящееся, выползающее из-за поворота. «Теперь у нас один путь, — думал он. — И куда он нас приведет — неизвестно».

— Смотрите! — вскрикнул Ковальский. — Что это?..

Песчаный дракон выполз уже весь на открытое место и был виден

как на ладони. Ряды уродливых лап подпирали его многометровое туловище, покрытое тоннами омерзительной слизи. Две хищные головы с жадными жабыми мордами болтались на длинных шеях, высматривая добычу. Громадный ящер переминался, неестественно перемалываясь. Он еще не видел людей. Он просто полз вверх по ущелью.

— Ведь это песчаный дракон, правда? — сказал Ковальский. — Я думал, они водятся только в пустынях...

Он осекся. Видно, вдруг осознал, что здесь не зоопарк и не съёмочный павильон, что они стоят на узкой площадке среди отвесных скал и что единственная тропа, ведущая отсюда, занята. Он понялся. Греков остался на месте, глядя на приближающееся чудовище.

А потом он увидел крупную грязную чешую на груди и боках монстра, услышал глухое урчание, доносившееся из недр исполинского туловища, почувствовал тошнотворный запах разлагающейся в глыбообразных зубах гнили, и вдруг понял, что его спина упирается в стену, что отступать ему больше некуда.

Тогда он с трудом оторвал взгляд от двух зубастых, широко разинутых ртов, которые знали уже, что им падо, и повернул голову. Ковальский стоял рядом с ним, справа, прижавшись к скале. Слева зияло отверстие Туннеля.

Греков поймал руку Ковальского и потянул его за собой. Дракон был уже в двадцати метрах, он протягивал к ним хищные шеи, он торопился. Греков попятился.

Над ними был свод Туннеля, а чудовище, скалы и небо растворились в дрожащей мерцающей пелене. Спина Грекова наткнулась на упругую перегородку.

Не выпуская руки Ковальского, он шагнул вперед.

2.

Они стояли на пологом скате холма, покрытом ласковой изумрудной травой. Перед ними до самого горизонта простиралась волнистая равнина, и справа от холма, на котором они стояли, гемнели компактные группы деревьев. Небо над их головами было спокойного голубого оттенка, на нем курчавились белые облака.

Ковальский сел на траву. Лицо у него было бледное.

— Это Альвион, — сказал Греков и не узнал своего голоса. — Я боялся, что мы попадем на Мирзу.

Ковальский не ответил. Он сидел на траве, и его взгляд безучастно скользил по проплывавшим вдали облакам.

— Помоги нам ждать неоткуда, — сказал Греков. — Через Тун-

нель мы можем с равной вероятностью попасть или обратно на Гамму, или на Лигурию, откуда возврата практически не будет. Но торопиться необязательно. Я предлагаю спуститься к роще. Плоды некоторых местных деревьев очень вкусны. Роботы всегда приносят их мне, когда возвращаются с Альвиона.

— Заманчивое предложение, — сказал Ковальский, но с земли не встал. — Насколько я знаю, на Альвионе отсутствуют наземные животные. Зачем же здесь съедобные плоды?

— Я об этом не думал, — признался Греков. — Впрочем, вот и ответ.

Он показал вверх. Стая больших белых птиц появилась над ними, вынырнув из глубины неба. Они долго следили за птицами. Потом Ковальский все-таки поднялся, и они зашагали по склону холма к темнеющей вдали роще.

Альвион, — думал Греков. — Какая прекрасная гостеприимная планета! На всех пленках одно и то же. Теплый чудесный мир. Ни одного хищника. И действительность ничем не отличается от пленок. А ведь находятся еще люди, утверждающие, что робот как исследователь не может заменить человека. Еще как может. Нужно только снабдить его полноценной, адекватной программой, и он будет вам выдавать полноценную, адекватную информацию. Иначе зачем было вообще изобретать робота?

Он передвигался молча, пока не достигли опушки. Ковальский снял куртку, свернул ее и положил на траву.

— Давайте сначала отдохнем, — предложил он, — а потом уже двинемся грабить ваш райский сад.

Однако воспоминание о нежной мякоти плодов желтого дерева заставило Грекова забыть усталость.

— Я принесу на вашу долю, — пообещал он. — Отдыхайте.

Несколько секунд Греков с легкой завистью смотрел, как Ковальский лежит на спине, прикрыв глаза, и как ласковые травинки покачиваются над его лицом. Потом двинулся на поиски.

Рис. Н. Кошкина

Ему не пришлось долго блуждать. Листья желтого дерева были крупные, продолговатые, они трепетали от скрытых движений воздуха. Гладкие упругие ветви начинались от самой земли, и у основания ветвей, возле толстого ствола, пламенили крупные ярко-красные плоды.

Греков раздвинул упругие ветви. Он действовал в соответствии с программой, которую написал когда-то для роботов. Нет, не совсем — он спрятал плоды за пазуху, а у роботов для этого был специальный контейнер. Наконец он решил, что собрал достаточно, и попятился назад от ствола дерева.

Он не смог сделать и одного шага. Его что-то держало, будто он зацепился, запутался в глубине кроны. Казалось, все ветви дерева тянулись к нему, липли к его одежде, держали его в своих упругих объятиях. Несколько трещащих листьев приблизилось к его лицу. Он ощутил на щеке и шее легкие жгучие прикосновения. И тогда он рванулся по-настоящему.

Он боролся за свою жизнь, потеряв голову, обезумев от ужаса, рвал ветви и листья, судорожно цепляющиеся за одежду, рвал одежду, залупавшуюся в ветвях, — и неожиданно для себя самого очутился на траве.

Он встал, ничего не понимая, глядя перед собой. Ветви деревьев спокойно возвращались к исходной позиции. Они медленно раздвигались, открывая доступ к спелым кроваво-красным плодам.

Греков посмотрел вверх. Стая оставалась на месте, не улетала. Птицы бесшумно, как белые призраки, кружились над его головой. Теперь он знал, чего они ждут.

— Стервятники, — сказал он с отвращением. — Воронье поганое!

Он стоял еще несколько минут, туго глядя на рассыпанные фрукты, и вдруг вспомнил ласковые травинки, склонившиеся над лицом его спящего товарища. Он мчался назад, не разбирая дороги, и выбежал на опушку, там было пусто, а потом он заметил нечто, напоминающее плотный травяной кокон, и закричал, и кокон заколыхался, и оттуда вынырнуло окровавленное лицо Ковальского.

Греков окончательно оправился только на вершине холма, перед зияющим отверстием Туннеля. Ковальский уже долго что-то ему говорил.

— Существует масса вещей, для исследования которых робот принципиально не пригоден, — говорил Ковальский. — Сегодня мы встретились только с одной из них. Робот никогда не распознает людоеда, потому что ни один людоед не станет есть робота. Таких примеров можно привести тысячи.

— Если вложить в него полноценную, адекватную программу... — начал было Греков, но не стал продолжать. — Впрочем, вы правы. Робот и человек — вот идеальная комбинация.

Они шагнули в Туннель.

3.

— Так это и есть Лигурия? — сказал Ковальский, плотно застегивая куртку. — Насколько я помню, здесь нет и следов биосферы. Во всяком случае, по данным ваших роботов.

Греков кивнул. Над ними возвышался огромный айсберг, очень старый, пожелтевший от времени. Вход в Туннель на Лигурии выглядел глубоким ледяным гротом. Вокруг простиралась безжизненная заснеженная равнина, исчерченная тенями ледяных скал.

Вдруг Ковальский насторожился. Грекову тоже показалось, что он слышит легкий прерывистый шорох, неожиданный в снежном безмолвии. Шорох доносился из-за выступа айсберга, справа от них.

Прижавшись к поверхности ледяной скалы, Ковальский осторожно прокрадлся к выступу.

— Скорее сюда! — позвал он, скрываясь из виду.

Греков последовал за ним. Ковальский стоял на четвереньках. Снег рядом с ним был усеян крупными отпечатками.

Ковальский медленно встал и отряхнул снег с колен.

— Смотрите, что там творится.

Греков оглянулся. Ледяная равнина жила. От скал беззвучно отделялись черные тени, стояли неподвижно, перемещались, снова исчезали в торах.

— Это роботы, — спокойно сказал Греков.

Ковальский непонимающе смотрел на него. Греков продолжал:

— Сейчас я все объясню. Робот Эр-17 принадлежал к группе А, то есть предназначался для исследований Альвиона и Мирзы. Из четырех таких роботов два попадают на Альвион.

Ковальский кивнул.

— При повторном входе в Туннель, — продолжал Греков, — один из них возвращается на Гамму, а другой переносится на Лигурию.

— Понятно.

— И остается там навсегда, — закончил Греков. — Программой предусмотрена их самоорганизация в общество, нечто вроде примитивной монархии со строгими законами.

— Как просто! — воскликнул Ковальский. — Четверть всех роботов, которых вы посылаете в Туннель, остается на Лигурии.

Внезапно земля под их ногами дрогнула, с ледяного утеса потекли снежные ручейки. На миг люди оглохли от грохота, донесшегося оттуда, куда вела цепочка прямоугольных отпечатков на девственном снеговом покрове. Когда снежная пыль улеглась, они молча пошли по следам в обход ледяной скалы.

Они не успели пройти и ста шагов, когда за очередным поворотом

пути им преградила многотонная глыба льда. Следы, припорошенные еще клубящимся в воздухе снегом, вели прямо под нее.

Они обогнули глыбу и остановились. Черные металлические руки скребли по снегу, подгребая его к неуклюжей кубической голове. Остальное скрывалось под ледяным монолитом.

— Агония, — медленно проговорил Греков. Он склонился над роботом. — Видимо, замкнуло цепи сервомоторов. У него раздавлен мозг. Он у них в груди, под панцирем.

Ковальский молчал. Он стоял с потрясенным видом.

Греков посмотрел на черные, уже неподвижные руки. Мы безоружны, подумал он. Из такой руки может получиться неплохая дубинка. Нужно только разведишить ее в локтевом суставе. Это делается просто, но...

— Пошли отсюда, — сказал он Ковальскому. — Здесь ничему не поможешь.

Он повернулся и зашагал назад по своим следам. Ковальский на мгновение задержался у раздавленного робота, но вскоре присоединился к Грекову.

— У вас замечательные роботы, — сказал он. Ковальский все еще выглядел потрясенным, будто присутствовал при гибели человека. Грекову это понравилось. Они были почти у входа в Туннель, когда что-то обдало грудь Грекова, последовал рывок, и он оказался на земле.

Когда Греков пришел в себя, он лежал на снегу, аккуратно обмотанный длинной эластичной веревкой. Над ним возвышалась неподвижная черная фигура. Робот был невысокий, коренастый, со сплюснутой головой и длинными суставчатыми руками. Он стоял неподвижно. Кого-то ждал.

— Это робот серии Эль, — сказал Греков. — Один из тех, кто попал сюда еще во время работы Комиссии. Ничего не понимаю.

— Бунт машин, — отозвался Ковальский. Он лежал рядом.

— Кстати, зачем у них лассо?

— Лассо? — переспросил Ковальский. — Ах, эти веревки! Для ловли крупных животных, которые водятся на Мирзе.

— И что они делают с пойманными животными?

Греков не ответил. Постышались скрипящие шаги. Из-за ледяной скалы показались две высокие черные фигуры.

— Вот это мои роботы, — обрадовался Греков. — Приятели! Немедленно развяжите меня. Что здесь у вас происходит?

— Похоже на голос Хозяина, — сказал один из новых роботов.

— У тебя галлюцинации, — сказал другой. — Бред, рожденный за Началом Координат.

— Это моя добыча, — вмешался в их разговор робот серии Эль. — А вы должны мне помочь. Мне полагается охрана.

Робот взился за концы веревок, которыми были обмотаны тела людей, и Греков почувствовал, что его волокут ногами вперед по заснеженной почве. Хорошо, что не по булыжникам.

Через несколько минут темп передвижения замедлился. Приподняв голову, Греков увидел, что они приближаются к черному отверстию в громадном голубоватом айсберге. Их окружила плотная тьма. Было слышно потрескивание льда под ногами роботов.

Их долго тащили по извилястому коридору. За одним из поворотов впереди забрезжил свет. Вскоре они ногами вперед въехали в просторную ледяную пещеру, освещенную невидимыми источниками. Длиннорукий Эль остановился перед возвышением, на котором восседал Эр-3, один из первых роботов, посланных Грековым в Туннель.

— Я обнаружил на Лигурии новые формы жизни, — доложил Эль.

— Это моя добыча, мои образцы. Я сам должен их препарировать.

Эр-3 уставился на Грекова неподвижными искусственными глазами. Вероятно, вид человека вызывал в электронном мозгу вполне определенные ассоциации. Грекову казалось, что робот готов переключиться, чтобы избавиться от дьявольского наваждения.

Вместо этого Эр-3 сделал величественный жест рукой.

— Развяжите их, — торжественно прогремел он. — Нас собралось достаточно.

Греков почувствовал на плече сильные стальные пальцы. Его перевели в вертикальное положение. Пути упали на лед. Он стоял в толпе роботов. Неуклюжие кубические головы, украшенные голубоватыми кристаллами галанита... Кристаллы вправлялись в лоб роботов для того, чтобы они могли опознать друг друга в блужданиях по миру, соединенным Туннелем.

Внезапно в толпе роботов возникло волнение. Их внимание обратилось к Ковальскому.

— Расступитесь, — услышал Греков величественный голос Эр-3. — Мне плохо видно.

Шеренга роботов отодвинулась от Ковальского. Некоторое время Эр-3 внимательно его разглядывал. Потом повернулся к затерявшемуся в толпе длиннорукому роботу.

— Ты кого сюда пригласил? — величественно произнес он. — Разве ты не видишь, что это — наш новый товарищ?..

Длиннорукий Эль обошел вокруг Ковальского и хотел было снова исчезнуть в толпе, но его взгляд упал на Грекова.

— Но это — моя добыча! — торжествующе завопил он. — Я сам буду препарировать пойманное мною чудовище!

Его крепкая металлическая пятерня вцепилась в правое предплечье Грекова. Но на своей левой руке Греков почувствовал мягкие человеческие пальцы.

— Он лжет, — услышал он твердый голос Ковальского. — Это — моя добыча! Я буду препарировать ее сам!

Роботы возмущенно загудели. Длиннорукий Эль попытался под взглядом Эр-3. Эр-3 повернулся к Ковальскому.

— Понадобится ли вам отдельное помещение?

— Нет, — твердо сказал Ковальский. — Я буду работать снаружи, при свете звезд.

Он наклонился, поднял веревку, которой был недавно опутан, и принялся обматывать грудь и руки Грекова. Потом нетерпеливо толкнул его в спину.

— Пошел!..

«Да, приключение, — думал Греков. — Совершенно невероятное. Хотя все естественно. Роботам известно, что встретить человека в мирах Туннеля невозможно. Животные случайно проникают через Туннель. А исследовательские задачи перед роботами поставлены. Но почему они нас все-таки отпустили?..»

— Наконец-то, — сказал Ковальский. — Я даже вспотел.

Они стояли у входа в Туннель, лицом друг к другу. На груди у Ковальского, на его наглухо застегнутой куртке, что-то голубело. Кристалл галанита.

— Откуда вы это взяли?

— Снял с раздавленного робота. На счастье. А что?

— Ничего, — сказал Греков.

Они снова вошли в Туннель.

4.

Первое, что увидел Греков, когда они оказались снаружи, было море — бескрайнее, серое, изборожденное белыми барашками. В уши ворвался ползузабытый мерный гул, всепроникающий, успокаивающий. Греков ощутил на лице мелкие холодные брызги, почувствовал ни с чем не сравнимый запах соленой воды, влажного ветра, выброшенных на берег водорослей.

Они стояли на узком галечном пляже в нескольких метрах от линии прибоя. Пляж изредка прерывался тесными группами валунов, окутанных тучами иены. Сверху нависало сплошное свинцовое небо, и рваные края облаков пронеслись низко над их головами.

Ковальский потянул Грекова за рукав. Они переглянулись, и Греков понял, что оба думают об одном. Не стовариваясь, пошли вдоль берега и вскоре они вышли на край ложины, по дну которой извивался ручей. Он впадал в море, образуя небольшую бухточку. Гальку здесь заменил чистый песок. Волнения почти не было.

— Смотрите, крабы! — крикнул Ковальский. Он стоял на коленях возле самой воды и переворачивал большие плоские камни. Его глаза возбужденно блестели.

Греков опустился на песок, с наслаждением подставив лицо соленому ветру. Его одолевала мягкая дремота, но какая-то часть его сознания бодрствовала, оставалась напряженной, сопротивлялась.

Когда он открыл глаза, Ковальский уже успел стащить с себя комбинезон и войти в воду.

— Стойте! — крикнул Греков. Ковальский поморщился, но все-таки вернулся и лег на песок.

— Мы опять начинаем вести себя неосмотрительно, — начал Греков после минутной паузы. — Как на Альвине.

Ковальский долго молчал.

— Но вы же видите, где мы находимся, — проговорил он наконец. — Ведь это Земля.

Греков пожал плечами.

— Почему обязательно Земля? Есть же похожие планеты.

— Она неповторима, — твердо сказал Ковальский. — Море, запахи, ветер... Вы просто забыли. Ошибиться здесь невозможно.

— А вам не кажется странным, что мы еще не встретили ни одного человека? — помолчав, спросил Греков. — Вас не удивляет, что на этом пляже никого нет? Вы недавно с Земли. Вы видели где-нибудь такие безлюдные места?..

Ковальский подавленно молчал.

— Мы находимся здесь уже около двух часов, — продолжал Греков. — Над нами не пролетело ни одного реактивного самолета, в море мы не видели ни одного корабля. Разве на Земле так бывает?

Ковальский встал на ноги и начал натягивать комбинезон.

— Не знаю, — сказал он. В его голосе снова появилась уверенность. — Это Земля. Я не знаю ответов на ваши вопросы, но я не могу ошибиться. Поднимусь на обрыв. Нам следует осмотреться.

— Я пойду с вами, — сказал Греков.

Они молча начали подниматься по склону. Гул моря был еще слышен, но не заглушал остальных звуков. Под ногами в сухой траве раздавалось громкое стрекотание, там прыгали крупные насекомые, с треском расправляя разноцветные крылья.

— Кузнечики, бабочки... — перечислял Ковальский.

Греков молчал, шагая по жесткой траве. Они вступили в полосу густого кустарника. Колчючие ветки царапали лицо, из зарослей неслось оживленное чириканье.

— Но почему? — крикнул Ковальский. — Почему это невозможно? Ведь они были похожи на нас. Они могли соединить Туннелем все пригодные для жизни планеты. В Галактике таких мало, но ведь Земля тоже находится в их числе!

Греков не ответил. Подниматься дальше было некуда. Они стояли на краю обрыва, полого уходившего вниз. Линия, где вода смыкалась с небом, была почти неразличима и проходила неожиданно высоко. И она окружала их со всех сторон.

Небо потемнело, и размытое пятно скрытого за тучами солнца склонилось к закату. В небосводе над западным горизонтом проступали багровые полосы.

— Смотрите, какая красота, — сказал Ковальский.

Греков пожал плечами.

— Закаты везде красивы.

Ковальский уже ломал сухие ветки, укладывая их в аккуратную стопку. Потом достал зажигалку и поднес голубой язычок к кучке хвороста.

Они лежали неподвижно, глядя на пляшущее пламя, расслабив мускулы, отдыхая. Потом Греков откинулся на спину и стал смотреть вверх. Вскоре он нашел то, что искал. Над ним слабо мерцала светлая точка. Он долго глядел на нее.

— Скоро мы все узнаем, — услышал он голос Ковальского. — Но теперь это не имеет значения. Пусть окажется по-вашему, и тут просто похожая на Землю планета. Я остаюсь здесь. Я устал от бессмысленных блужданий.

Греков смотрел вверх, слыша, как в тишине потрескивает пламя костра. Невидимые тучи уходили, и в небе загорались новые звезды. Но они складывались в рисунок, отличный от всего, что когда-либо

видел Греков. Внезапно он понял, что очень устал, что кости гудят, ноют мышцы, что хочется заснуть.

— Мы ничего не знаем, — сказал Ковальский. — Что если Туннель соединяет не только миры, но и эпохи? Что если он перебрасывает нас в прошлое или будущее планеты? Вдруг это действительно Земля, но тысячи лет назад? Или наоборот — через тысячи лет?..

Ковальский продолжал говорить, постепенно воодушевляясь, о Туннеле, о его создателях, о принципе действия, о Земле и о чем-то еще, но Греков уже не слышал. Он спал.

5.

Неожиданный сильный рывок выбил удильце из рук Грекова. Леска зазвенела, и удильце, видимо, так бы и улетело на середину заводи, если бы кто-то, выскочив из-за спины Грекова, не перехватил его прямо в воде. Впрочем, ясно, кто это был.

Греков снова был посрамлен — не в первый раз за месяц, который они прожили на острове. Теперь он уже в качестве зрителя наблюдал, как Ковальский, зачерпывая башмаками воду, медленно пятится, как стонет изогнутое удильце, как леска режет бурлящую воду. Он должен был следить за борьбой со стороны.

— Сейчас устанет, — глухо сказал Ковальский. Он уже вышел на берег, продолжая пятиться. Греков с завистью и азартом следил, как бурлящий круг воды, в котором мелькают серебро боков и алые плавники, приближается к берегу.

— Сюда бы подсак, — глухо сказал Ковальский, продолжая пятиться. — Или багор.

Мощное серебристое тело билось у самого берега, поднимая фонтаны брызг. Греков бросился на рыбу, нащупал жабры, приподнял бьющуюся тяжесть и посмотрел на Ковальского.

Вернее, хотел посмотреть на Ковальского. В двух метрах от него с удильцем в руках стоял незнакомый человек, и только его одежда ничем не отличалась от мокрого комбинезона Ковальского.

— Здесь у вас хорошо, — глухо сказал незнакомец. — Природа, рыбалка... Но где ваш напарник?

— Ковальский следит за костром, — ответил Греков. Его мозг был, видимо, перегружен, и он внезапно почувствовал безразличие к происходящему. Зачем задавать бессмысленные вопросы? Рано или поздно все прояснится само собой.

— Пойдемте, — сказал незнакомец.

Греков поднялся с колен, держа голову под жабры. Рыба весила много — полпуда, а то и больше. Они шли по чуть намеченной тропке, поднимаясь к месту стоянки. В тех местах, где надо было сворачивать, Греков подавал короткие указания.

— Налево, — сказал он в последний раз, и они вышли из кустов. Ковальский молча стоял у костра, недоуменно глядя на них.

— Здесь хорошо, — повторил незнакомец. — Но нас ждут. Только загасите огонь.

Греков повиновался. Ковальский помог затоптать уцелевшие угли.

— Захватите это с собой, — сказал незнакомец, указывая на рыбу. Он повернулся и зашагал вниз. Греков посмотрел на его широкую спину. На миг ему стало жутко. Кто это такой? Откуда он взялся? Куда он нас ведет?

— Здесь хорошо, — медленно проговорил незнакомец. — Отсюда не хочется уходить, но нас ждут. Сюда мы еще вернемся.

Перед ними в обрыве зияла дыра Туннеля.

— Я забыл представиться, — сказал незнакомец, оборачиваясь. — Моя фамилия Березин.

6.

Ковальский спросил:

— Значит, вам действительно удалось найти выигрышную стратегию?

— Объяснения подождут, — сказал Березин. — Двинулись.

Они повернулись к Туннелю и погрузились в мерцающий мрак. Когда они вышли наружу, вокруг была темнота, на них дохнуло ледяным холодом, под ногами закрипел снег.

— Это Лигурия, — сказал Березин. — Когда я шел за вами, здесь тоже была ночь. Но скорее назад.

На этот раз они вышли на знакомый изумрудный склон Альвиона. Греков и Ковальский переглянулись.

— Здорово у вас получается, — сказал Ковальский. Березин ухмыльнулся.

— Сам удивляюсь, — сказал он. — Но быстро в Туннель.

Греков услышал неровное биение своего сердца. Неужели это возможно, — пронеслась мысль. — Снова Гамма, станция, люди...

Но снаружи в его лицо снова повеяло ледяным холодом.

— Осечка, — услышал он рядом с собой глухой голос Березина. — Теперь обратно.

Они вышли на морской берег с бурными грудями водорослей.

— И это называется выигрышной стратегией? — спросил Ковальский.

— В Туннель! — коротко приказал Березин.

Их оглушили взрывы, ослепил красноватый свет. Они стояли на краю пропасти, по дну которой струилась багровая лава. Откуда-то сбоку послышался глухой грохот, и несколько раскаленных каменных глыб медленно взвились в воздух. Земля затряслась от их падения. Жаркий ветер ожег лицо Грекова. Он попятился.

На этот раз Березин медлил. Он стоял, прищурившись, глядя в багровое море.

— Молодость Мира, — медленно сказал он. — Мы еще вернемся сюда. Нам надо торопиться.

Они снова вышли на морской берег.

— В Туннель! — приказал Березин.

Снова непроницаемая чернота. Все менялось, как кадры плохо смонтированного кинофильма.

Вновь галечный пляж и синее море.

Арктический мрак Лигурии.

Изумрудные поля Альвиона.

Опять холодная темнота.

Чужой простор Альвиона.

А потом глаза Грекова, готовые к темноте Лигурии, невольно сощурились от яркого света. Первое, что он увидел на Гамме, было здание станции, перенесенное к самому выходу из Туннеля. Кругом вздымались отвесные стены, вниз уходили крутые изгибы ущелья. От здания станции к ним бежали люди.

— Все, — сказал Березин.

Рядом вскрикнули. Голавль, которого еще держал Греков, трепыхнулся и задел кого-то сильным хвостом. Пострадавший согнулся, держась за живот. И только теперь Греков окончательно понял, что они вернулись домой.

7.

— Если признаться честно, то ничего, — сказал Греков. Он и Березин сидели вместе с другими за раскладным столом в тесном помещении станции. Центральное место на столе занимала рыба, пойманная на крючок из древесной колючки.

— Я ничего не понял, — повторил Греков. — Раньше я слышал о какой-то стратегии, которую вы придумали. Но я помню, как мы возвращались. Мы просто входили в Туннель, а он перебрасывал нас, куда ему вздумается. Но мы все-таки вернулись.

Он замолчал. Березин тоже молчал, рассеянно ковыряя вилкой кусок жареной рыбы. Ковальский говорил своим соседям:

— Скорее всего, это Земля будущего, — говорил Ковальский. — Иначе мы обязательно наткнулись бы на динозавров. Или на каких-нибудь мамонтов.

— А ведь это мысль, — сказал сосед справа. — Действительно, в будущем не предвидится существенных изменений фауны.

— Я только не понимаю, почему это Земля, — сказал сосед слева. — Есть же похожие планеты.

Видимо, соседи Ковальского успели разделиться на энтузиастов и скептиков. Греков повернулся к Березину.

— Я выслушал от ваших товарищей несколько популярных лекций о каких-то марковских процессах, — сказал он. — Но я плохо разбираюсь в математике, и так и не понял, что же вы изобрели.

— Я здесь ни при чем, — сказал наконец Березин. — Это создатели Туннеля устроили его так, что из него всегда можно вернуться.

— Но я читал доклады Комиссии, — запротестовал Греков. — Там записано черным по белому, что Туннель с равной вероятностью переправляет вас на любую из двух соседних планет.

Березин ответил не сразу, и до Грекова снова донесся голос Ковальского.

— Скорее всего, их там вообще нет.

— Это уже идеализм, — возразил скептик. — Вырождение, потеря интереса, гибель цивилизации... Мне это не нравится...

— Ничего подобного я не утверждал, — сказал Ковальский. — Я считаю, что их нет на Земле. Они просто ушли, разбрелись по Вселенной.

— Это мысль, — сказал сосед справа.

— И при этом забыли родную планету? — не унимался скептик.

— Нет, — сказал Ковальский. — Скорее всего, они превратили ее в заповедник.

Греков перестал прислушиваться. Он снова посмотрел на Березина. — Я не подвергаю сомнению доклады Комиссии, — сказал тот. — Но из них часто делают неправильные выводы. Создатели Туннеля были мудры. Они устроили его так, что он позволяет добраться до любой планеты. И вернуться с любой планеты. Единственное, что требуется, — просто войти в Туннель до тех пор, пока вы не достигнете цели. В конце концов вы ее обязательно достигнете. Вам совершенно правильно сообщили, что это однозначно следует из решения классической задачи одномерных блужданий.

— Вы сами решили эту задачу? — спросил Греков.

Березин поморщился.

— Я здесь ни при чем. Решению сотни лет. С ним можно ознакомиться в любом учебнике. Но если вы не любите математику, то можно поставить маленький эксперимент.

Березин порылся в кармане и положил на стол небольшой металлический предмет — диск с выдавленными на нем изображениями.

— Вы видите перед собой так называемую монету, — сказал он. — Известный с глубокой древности генератор случайных последовательностей. Изображения на сторонах диска разные. Вот это называется «орел», другое — «решка». Если вы подбросите диск, он случайным образом ляжет вверх одной из сторон. Диск сделан так, что вероятность выпадения каждой стороны равна половине. На досуге возьмите лист бумаги и разграфите его горизонтальными параллельными линиями. Отметьте одну из них — это будет Гамма — и начинайте бросать монету. Выпадение орла соответствует продвижению на один шаг вверх от опорной линии — в направлении Альвион, Лигурия и так далее. Выпадение решки — вниз, в сторону Мирзы и Феникса. Вы без всякой математики убедитесь, что полученная ломаная рано или поздно снова пересечется с опорной линией. Вы вернетесь на Гамму.

Он замолчал. Греков тоже молчал, глядя на волшебный металлический диск, с помощью которого можно моделировать скитания в Туннеле. Из оцепенения его вывел громкий голос Ковальского.

— Друзья! — сказал Ковальский. Он встал со своего места. — Я прошу слова. Вы собрались здесь, чтобы изучать миры, которые соединяет Туннель. В своих экспедициях вы непременно попадете на планету, на которой мы были. Вероятно, это Земля. Скорее всего — Земля отдаленного будущего.

За столом зашумели.

— Не все с этим согласятся, — переждав шум, продолжал Ковальский. — Но следует это иметь в виду. Ведь не исключено, что вы встретитесь с нашими потомками, а это очень большая ответственность.

На этот раз собрание ответило Ковальскому тишиной.

— Но я хотел сказать о другом, — продолжил Ковальский после короткой паузы. — Сейчас, когда мы говорили о строениях Туннеля, мне пришла в голову мысль — а что, если это наши потомки? Вдруг это именно они построили Туннель, чтобы путешествовать по Вселенной пешком, без всяких звездолетов?..

Напряженное молчание прервалось, послышались удивленные и одобрительные возгласы.

— Я знал, что вам понравится эта мысль, — сказал Ковальский. — Конечно, это только гипотеза, но все равно я предлагаю выпить за наших потомков, построивших такое замечательное сооружение!..

— И за математику, — тихо добавил Греков.

